

НА КАКОЙ ГОРЕ ПОСЕЛИТСЯ РОСТРОПОВИЧ?

Визит к М. - 2000. -
14 июля - 95.

“Геликон-опера” на фестивале в Эвиане

Сеновал над озером — «Гранж о'лак» по-французски. Снаружи — неказистый амбар, хоть и в альпийском предгорье с видом на Женевское море-озеро. Внутри же — многоярусный, с причудливой, а ля рюс, деревянной архитектурой театр в зарослях берез над эстрадой. Слово Франция вдруг проросла Рос-сийей. Да так оно и есть с тех пор, как музыкальный фестиваль в Эвиане возглавил Мстислав Ростропович и вот уже 12-й раз проводит его с неременной какой-нибудь русской сенсацией.

На сей раз сюда привезена группа московской «Геликон-оперы» с ее зна-

менитым спектаклем «Летучая мышь» — бесспорно, лучшей опереттой Иоган-на Штрауса.

Именно «Летучая мышь» была последней надеждой Ростроповича в 1974 году, перед изгнанием из России, но тогда даже в Театре оперетты ему было окончательно объявлено: «Мы в ваших, Мстислав Леопольдович, услугах более не нуждаемся». А потому нынешняя премьера «Летучей мыши» в Эвиане — событие в известном смысле историческое. Французский колорит спектакль в Эвиане обрел благодаря участию в нем известного комика Франсуа Дюнуа в роли

торемного надзирателя Фроша. Его виртуозная шумная клоунада, да еще песни под гитару из репертуара Эдит Пиаф и Джо Дассена (удачная подказка Галины Вишневской), которые распевает фанатичный тенор-любовник Альфред (Алексей Косарев), сделали цену в тюрьме французским мини-спектаклем в большом венском спектакле.

А венский шик — это от маэстро Ростроповича, который долго работал с Литовским национальным оркестром (они сотрудничают с 1993 года) и готовил его к этой штраусиане и непростому симбиозу с «Геликоном».

Ростропович особо отметил мастерство хора молодого театра: «Это — редкость, чтобы так петь всем вместе, да еще и танцевать». Хор врывается в спектакль словно с небес, обрушивается целой стаей летучих мышей в эффектных костюмах, как потом окажется, еще и фосфоресцирующих. Режиссеру Дмитрию Бергману (на снимке слева) и художникам театра Татьяне Тулубевой и Игорю Нежному многое пришлось думать и переделывать (даже спать ночью в костюме для Розалинды), чтобы встроить спектакль в прихотливую архитектуру обширного зала. Но как не погордиться за Летучей мышью в чащобе березового леса? Как не трянуть миллионами князю Орловскому (бесподобное меццо Лариса Костюк) с высокого третьего яруса?

Мстислав Ростропович вновь воплотил в жизнь свою идею фикс: быть дирижеру в точке «золотого сечения» спектакля, то есть центральным исполнителем, корифеем-актером, возвышаясь в нем над всеми. Однако были в спектакле и моменты всеобщего азарта, словно и не нуждающиеся в коррекции дирижера. Особенно когда на сцене царил двухярусный канкан.

Дмитрий Бергман, обращаясь публично к Мстиславу Леопольдовичу, говорил: «Мы благодарим за те традиции, которые вы нам в эти дни дарите. Вы любите ссылаться на опыт своих любимых учителей, великих музыкантов — Шостаковича, Прокофьева, Бриттена. Для нас, геликоновцев, теперь вы, Мстислав Леопольдович, вместе с Галиной Павловной будете таким же учителями».

На большом шумном банкете, где пировали все причастные к событию — русские, французы, литовцы, швейцарцы, датчане, — Ростропович вдруг спросил: «А что такое вообще — Геликон?»

Бергман пояснил: «Это такая древнегреческая гора, где Аполлон встречался с музами и занимался с ними любовью».

Ростропович немедленно вскричал: «Теперь ясно, что я поселился именно на этой горе!»

Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Москва
Театр "Геликон-опера"